

История России: с древнейших времен до 1917 года

И.А. Болдов

Легенда как обоснование притязаний на власть в Смутное время

В статье рассматривается легенда как инструмент легитимации притязаний на власть в Смутное время.

Ключевые слова: Смутное время; политическая легенда; самозванчество; Годуновы, Шуйские, Мстиславские, Романовы.

В «Курсе русской истории» В.О. Ключевский, характеризуя патерналистские воззрения русских людей на природу власти в допетровской Руси, удачно сравнил государство с хозяйством, в котором московский государь являлся владельцем, распорядителем, а классы населения — хозяйственными статьями [9: с. 16]. Ведение такого хозяйства — забота природного государя, его самого и его наследников. При таком восприятии власти беспокойство вызывала проблема возможного пресечения «царского корня», возникновение которой автоматически означало бы начало активной борьбы за трон между различными претендентами. Политический аспект системного кризиса, охватившего Россию в начале XVII века и именуемого Смутой, и характеризуется пресечением правящей династии и возникшей вследствие этого борьбой за власть. Принадлежа к различным социальным группам, претенденты использовали различные аргументы для обоснования, легитимации своих притязаний на престол. Одним из таких обоснований стала легенда. В центре внимания данной статьи — легенда как инструмент легитимации притязаний на власть, а именно использование легенды в политической борьбе в Смутное время.

Самозванчество. Пожалуй, наиболее яркой и наиболее известной политической легендой времен Смуты стала легенда о царевиче Дмитриии.

Наиболее ранние сведения о появлении двойника скончавшегося царевича Дмитрия Ивановича относятся к самому началу 1598 года, когда после смерти царя Фёдора Ивановича в среде правящей элиты развернулась борьба за

трон. Оршанский староста Андрей Сапега в письмах Христофору Радзивиллу сообщал о подготовке Борисом Годуновым марионеточной фигуры на случай собственного провала в избирательной кампании. Информация эта в дальнейшем не получила никакого подтверждения, что позволило С.Ф. Платонову отнести её к разряду слухов, распущенных политическими противниками клана Годуновых [17: с. 153–154].

Летом 1603 года в пределах Речи Посполитой объявился некто Дмитрий, называвший себя сыном царя Ивана Васильевича. Следственные мероприятия, предпринятые в отношении данного лица уже при Борисе Годунове, показали, что за личиной Дмитрия Ивановича скрывался беглый монах Григорий (в миру Юшка), сын дворянина Богдана Отрепьева [2: с. 78–84]. Доподлинно неизвестны личные мотивы, сподвигшие инока на столь неслыханный шаг, как расстричься и взять себе имя умершего человека [28: с. 75–109]. Но его появление имело далеко идущие социокультурные и политические последствия.

В ближайшей перспективе появление самозванца спровоцировало часть польской шляхты и оппозиционно настроенные по отношению к политике Бориса Годунова слои русского общества к антиправительственному выступлению, завершившемуся в июне 1605 года свержением династии Годуновых и воцарением «Дмитрия Ивановича». На протяжении всего времени борьбы с правительственными силами самозванец для обоснования своих притязаний на власть использовал легенду [2: с. 89–91]. Детали этой легенды впоследствии неоднократно пересказывали публицисты, писавшие о событиях Смуты. В «Сказании о Гришке Отрепьеве» читаем: *«И дьявольским научением и еретическим умыслением и бесовскими козньми нача себя называти царевичем Димитрием Ивановичем Московским и своими вражскими прелестными словесы и лукавыми умыслы и лживыми глаголы в Литве нача говорить: “Не уби мене Борис Годунов, холоп, а убиен де бысть во мое место иной юноша, приличен моему зраку; аз же Божиею милостию избегах и соблюдохся, от крепкия его от изменныя руки сохранихся и до сего дни и часа”»* [23: стб. 718–719].

Таким образом, легенда о Лжедмитрии отсылает читателя / слушателя к событиям 1591 года, повествует о покушении на убийство царевича Дмитрия, о спасении сына царя Ивана и убийстве другого юноши. При этом усилиями самозванца и его разоблачителей в сюжет о реальном или мнимом спасении царевича тесно вплетается мысль о реальности покушения на жизнь Дмитрия со стороны Бориса Годунова.

В отдаленной перспективе история Лжедмитрия имела продолжение в лице новых самозванцев. После убийства царя Дмитрия в мае 1606 года на юге России вспыхнуло новое антиправительственное выступление, развернувшееся под знаменем идеи «очередного» спасения Дмитрия Ивановича. Правда, уже не царевича, а царя: *«За те же неправды, Богу на нас попущающую, а врагу действующую, вложи враг мысль в люди Украинных городов, что тово Ростригу Бог соблюл, а в него место бутто убиша Немчина подобна ево лицу. Первое ж зачало крови христианские, в Путимле городе князь Григорей Шеховской измени*

царю Василью со всем Путимлем и сказа Путимцам, что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрыте: боитца изменников убивства» [19: с. 70]. Первое время антиправительственное выступление развивалось, по меткому выражению В.О. Ключевского, во имя «призрака» самозванца [9: с. 37]. Фактическим лидером движения являлся Иван Болотников. Только летом 1607 года Лжедмитрий был воплощен в новом образе, известном как «тушинский вор», или «калужский вор», под которым скрывался некто Иван, крещеный еврей, бывший школьный учитель из Шклова [27: с. 147–153]. Лжедмитрий II был убит в Калуге в декабре 1610 года. Но авантюра «царика» продолжилась в марте 1611 года, когда на северо-западе объявился новый самозванец, известный как «псковский вор». Под личиной Лжедмитрия III скрывался некто Матвей, которого псковский летописец называет также Сидоркой, беглый дьякон из Москвы, торговавший ножами в Новгороде [3: с. 183–189]. Лжедмитрий III был убит в подмосковных полках летом 1612 года.

И Лжедмитрий II, и Лжедмитрий III для обоснования законности своих действий использовали легенду. По сути, модернизированную версию легенды Лжедмитрия I. Новшествами являлись лишь сюжеты о спасении бегством из Москвы в 1606 году (Лжедмитрий II) и из Калуги в 1610 году (Лжедмитрий III). Однако в Смутное время самозванческое движение получило и иное направление — выдавание себя за реально не существовавших людей: *«Грех ради наших дьявольским научением возставаху, нечем, откуда имахуся такие воры, называхуся праведным коренем: иногда царя Ивановым сыном Васильевича, иногда царевича Ивана Ивановича сыном, а ин назвася царя Федора Ивановича сын. Како же у тех окаянных злодеев уста отверзашеся и язык проглагола, неведомо, откуда взявся: а называхуся таким праведным коренем иной боярской человек, а иной мужик пашенной. Вору же стоящу под Москвою¹, в то же время под Астраханью проявися три вора: един назвася Август, царя Ивана сын, другой же назвася имя Осиновик, сын царевича Ивана, а третьей назвася Лавер, царя Федора Ивановича сын»* [19: с. 89]. Наибольшее же влияние на ход гражданской войны из данной категории самозванцев оказал лжецаревич Пётр: *«В таж времена, еще Ростриге живу суцу на Москве, град же, рекомый Терка, далное расстояние имяше от Москвы, а именоваху ж тот град по Русски Терку. На той же реке Терку живяху казаки. По умышлению ж в них дьяволскому заведеся в них воровство, назваша детину Илюшку, Васильевского человека Елагина, царя Федоровым сыном, царевичем Петром, и о том писаху к Гришке к Ростриге»* [19: с. 71]. Польский дворянин Станислав Немоевский в своих «Записках» зафиксировал легенду очередного самозванца, *«котораго тот же Борис Годунов желал было также погубить, как и Димитрия»*, но мать этого Петрашки заметила это и пустила слух, что он умер и вместо него погребли какую-то умершую девочку: сам Петрашка был отдан одной простой женщине на воспитание, а затем,

¹ Имеется в виду время пребывания Лжедмитрия II в подмосковном лагере в Тушино (июнь – декабрь 1608 года).

подросши, он мальчиком отправился к донским казакам и между ними скрывался до последнего времени» [26: с. 119]. Лжецаревич со своими отрядами принял активное участие в восстании Болотникова, казнен после капитуляции Тулы в октябре 1607 года.

«Годуновская» и «шуйская» легенды. Одним из первых, кому оказалось необходимо обосновывать свои притязания на власть, стал Борис Фёдорович Годунов. Именно он занял место московского государя после смерти царя Фёдора Ивановича. Притязания Бориса Годунова на власть были закреплены в феврале 1598 года решением Земского собора [15: с. 182–198].

В Соловецком летописце конца XVI в., сказано, что царь Фёдор перед своей кончиной *«Московское царство и все государьства Росийскаго царствия приказал правити шурина своему конюшему и боярину Борису Федоровичю Годунову»* [10: с. 242]. Вместе с тем в соборном определении об избрании Бориса Годунова царем находим краткое упоминание о событиях 1584 года: *«Егда же, Божшими судьбами, Государь наш Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси, пременив перфиру ангельским прменением, тленное се и мимотекущее земное царьствие оставль, прииде на небесное, во онь век некончаемый, предстоя Царю царем и Господу господем, тогда сына своего, а нашего Государя, благоверного и Христолюбиваго Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Руси Самодержца, благословил на царьство и вручает сына своего, Государя Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Руси Самодержца, по сочтанию брака царьского корени сродичу, ближнему приятелю, слуге и конюшенному боярину Борису Федоровичу, его же изначала предъизбра Бог и возлюби, пронарече от мног лет, глаголя: тебе предаю с Богом сего сына моего, благоприятен буди к нему до скончания живота его; по его преставлении тебе приказываю и царьство сие»* [2: с. 13–14].

В столице после царя Дмитрия на престоле обосновался боярин князь Василий Иванович Шуйский. Род Шуйских восходил своими корнями к суздальско-нижегородской ветви Рюриковичей [8: с. 194], благодаря чему князь Василий, бесспорно, имел основания для занятия московского престола. Однако ему с первых же дней своего правления пришлось доказывать легитимность своего прихода к власти. В значительной степени это было связано с отсутствием созыва Земского собора [19: с. 69] наподобие того, что был устроен в 1598 году.

В рамках данного направления летом 1606 года создается «Повесть како отомсти», в которой рассказывается об упорной борьбе клана Шуйских (в частности, Ивана Петровича Шуйского и его пятиюродного брата Василия) с происками Бориса Годунова и Растриги. Правомочность участия Шуйских в этой борьбе обосновывалась новой версией легенды о последних днях жизни царя Ивана Васильевича: *«И, преселяся от жития сего, государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и приказа благородная чада своя, благоверных царевичев Феодора и Дмитрея, верному своему приятелю и доброхоту благонравному боярину князю Ивану Петровичю Шуйскому, да князю Ивану Федоровичю Мстиславскому, да Никите Романовичю Юрьева, дабы их, государей наших, воспитали со всяцем тщанием их царскаго здравия остерегали»* [4: с. 241].

«Шуйская» легенда повторяется еще в нескольких произведениях: в «Ином сказании» [23: стб. 2] и в «Повести како восхити» [23: стб. 146]. С.Ф. Платонов, обратив внимание на первую часть «Иного сказания», пришел к выводу, что это самостоятельное произведение, и дал ему условное название «Повесть 1606 года». Производной от «Повести 1606 года» он считал «Повесть како восхити» [16: с. 3–39]. Дальнейшее изучение текстов повестей привело к пересмотру наблюдений С.Ф. Платонова. Сохранившаяся в четырех списках «Повесть како отомсти» была признана более ранней, тогда как «Повесть како восхити» и начало «Иного сказания» — ее редакциями [11: с. 39–65; 4: с. 231–241]. Вместе с тем в двух списках «Повести како восхити» можно прочесть, что царь Иван перед смертью поручил своих сыновей *«верному своему боярину князю Ивану Федоровичу Мстисловскому да князю Ивану Петровичу Шуйскому да Никите Романовичу Юрьеву»* [11: с. 41]. В некоторых других местах также имя князя Ф.И. Мстиславского стоит раньше, нежели имя князя И.П. Шуйского. По мнению Е.Н. Кушевой, эти «любопытные изменения внесены, очевидно, лицом, имевшим какое-то отношение к семье Мстиславских, но, к сожалению, у нас нет данных для точного определения времени их включения в “Повесть...”, и мы не можем сказать, имели ли они в свое время какое-либо политическое значение» [11: с. 42]. А.А. Зимин объяснил изменение порядка имен князей тем, что в 1620-е годы переписчики, «очевидно, заметили тенденциозность рассказа и пытались его подправить, поставив на первое место среди регентов кн. И.Ф. Мстиславского» [7: с. 105].

Сравнение «годуновской» и «шуйской» легенд показывает, что в центре внимания обеих версий находятся предсмертные мгновения жизни царя Ивана Грозного, а именно сюжет с передачей опекунских полномочий над сыновьями Фёдором и Дмитрием. Однако, если «годуновская» версия содержит информацию о прямом указании царя Ивана Борису Годунову принять власть по смерти Фёдора Ивановича, то «шуйская» версия не идет дальше опеки, осуществляемой регентским советом из представителей наиболее знатных боярских родов (без участия Б.Ф. Годунова) при первенстве боярина князя И.П. Шуйского.

Информация о существовании некоего совета, круга приближенных лиц, составленного перед смертью царем Иваном Грозным для оказания помощи в управлении государством сыну Фёдору, содержится еще в ряде документов [7: с. 104–108]. Рассмотренные выше источники являются наиболее ранними по времени возникновения отечественными свидетельствами. Все они были созданы в период активной политической борьбы и по этой причине несут в себе значительный заряд тенденциозности, а значит, рассматривать их в качестве надежных свидетельств о реальном существовании совета при особе царя Фёдора нецелесообразно. Кроме них легендарные сведения о событиях 1584 года можно также найти в Хронографе 1617 года [8: с. 185–186], Третьей Псковской летописи [22: с. 264], составленной в середине XVII века,

в Латухинской Степенной книге [12: с. 559], автор которой Тихон Макарьевский жил и работал во второй половине XVII столетия, и в «Мазуринском летописце» последней четверти XVII века [20: с. 143].

Достоверность информации иностранных свидетельств также оставляет вопросы, поскольку неизвестны источники, из которых черпали свои сведения иноземцы. Более того, разночтения в свидетельствах кардинала Болоньетти [1: с. 7], английского коммерсанта Джерома Горсея [6: с. 87, 141, 170] и австрийского посла Николая Варкоча [24: с. 11] позволяют предполагать, что основным источником для иностранцев являлись кулуарные слухи. Большой разброс мнений относительно существования совета, его состава и полномочий, скорее, позволяет согласиться с корректным суждением С.Ф. Платонова, что при особе царя Фёдора «просто собралась его ближайшая родственики», а также близкие к последним «по свойству и родству» лица [15: с. 46–47].

«Романовская» легенда. Совершенно иную политическую легенду зафиксировал немецкий автор Конрад Буссов. В «Московской хронике» читаем: *«Царица Ирина Федоровна, родная сестра правителя (Бориса Годунова. — Прим. И. Б.), обратилась к своему супругу (царю Фёдору Ивановичу. — Прим. И. Б.) с просьбой отдать скипетр ее брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной). Но царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Федор Никитич его не взял, а предложил своему брату Александру. Тот предложил его третьему брату, Ивану, а этот — четвертому брату, Михаилу, Михаил же — другому знатному князю и вельможе, и никто не захотел прежде другого взять скипетр, хотя каждый был непрочь сделать это, о чем будет сказано позднее. А так как уже умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: “Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невоготу больше держать его”. Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его»* [5: с. 80–81]. Схожий текст встречаем у шведского автора Пэра Пэрссона, опиравшегося при работе над «Историей о Великом княжестве Московском» на труд Конрада Буссова [14: с. 172–173]. Краткое упоминание о передаче управления царством Фёдору Никитичу находим и в «Кратком известии о Московии в начале XVII века» голландца Исаака Массы [13: с. 45].

Данную легенду с полным основанием можно называть «романовской». Ее действие разворачивается в совершенно иных, нежели «годуновская» или «шуйская», условиях — в канун кончины царя Фёдора Ивановича. Основная идея легенды — стремление царя Фёдора передать власть (царский скипетр как символ власти) одному из представителей рода Романовых. Среди других приближенных к московскому двору лиц упомянут лишь не упустивший свой шанс Борис Годунов. Сюжет с отказом «важных персон» от скипетра, вероятно, был вставлен

для демонстрации подлинного благочестия (отсутствия властолюбия) у бояр Романовых. Наиболее вероятно, что возникновение данной легенды относится к периоду борьбы Романовых и Годуновых за власть.

Бытование «романовской» легенды зафиксировано и в отечественных источниках. Одним из таких источников является «Повесть о Земском соборе 1613 года» (далее — «Повесть»), в которой неизвестный автор сообщает об участии казаков в деятельности Земского собора зимой 1613 года. Казачьи отряды откликнулись на призыв патриарха Гермогена и приняли участие в рядах ополчения в освобождении Москвы от польско-литовских захватчиков в 1611–1612 гг. Но именно казачьи атаманы, согласно «Повести», по ходу работы Собора и актуализировали уже упомянутую в несколько иной форме легенду: *«Атамань же казачей глагола на соборе: “Князи и бояра и все московские вельможи, но не по божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избирате самодержавнаго. Но по божии воли и по благословению благовернаго и благочестиваго, и христолюбиваго царя государя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонен², и от благообраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Федорович. Да подобает по божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси”»* [25: с. 95]. В данной версии «романовской» легенды внимание также заостряется на передаче скипетра (посоха), но только Фёдору Романову, ошибочно названному князем. Упоминания о младших братьях Фёдора, о Борисе Годунове, об уклонении Романовых от власти отсутствуют. Легенда обосновывала притязания Михаила Романова на власть.

В источниках, созданных по окончании Смутного времени, в период правления государей из рода Романовых, «романовская» легенда упоминается неоднократно, служа, таким образом, обоснованием и подтверждением законности нахождения у власти новой династии. Последняя воля царя Фёдора данным образом отражена в Хронографе 1617 года [8: с. 188], в созданной в среде смоленского дворянства во второй половине 1620-х годов «Повести о победах Московского государства» [18: с. 35–36], в «Московском летописце» [21: с. 235], составленном между 1635 и 1645 гг., в Латухинской Степенной книге [12: с. 589–590]. Однако подобные легендарные сведения отсутствуют в ставшем для исследователей Смуты хрестоматийным «Новом летописце» [19: с. 49], чей официальный статус не вызывает у большинства историков никакого сомнения.

Итоги. Пресечение правящей династии в 1598 году стало причиной острой конкуренции и открытой борьбы за власть. В рамках этого противостояния

² Фёдор Никитич Романов осенью 1610 года в составе правительственной делегации был направлен в распоряжение войск короля Речи Посполитой Сигизмунда III, находился в плену, вернулся в Россию лишь в 1619 году.

претенденты для обоснования своих прав на престол использовали различные методы, включая идеологические, к числу которых относится легенда. Источники сообщают о бытовании нескольких легенд, которые можно классифицировать следующим образом:

1) легенды, обосновывающие принадлежность претендента (в реальности самозванца) к династии московских государей: легенды о спасении царевича / царя Дмитрия Ивановича; легенды о родственниках царя Фёдора и царевича Дмитрия;

2) легенды, повествующие о передаче законным государем накануне своей кончины властных полномочий одному из представителей боярского рода («годуновская», «шуйская», «мстиславская» и «романовская» легенды).

Литература

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1842. 471 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 2. СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. 416 с.

3. *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков: Псковская областная типография, 2004. 360 с.

4. *Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л.* «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. 28. Л.: Наука, 1974. С. 231–254.

5. *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 400 с.

6. *Горсей Джером.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.

7. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.

8. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1869. 549 с.

9. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с.

10. *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 223–243.

11. *Кушева Е.* Из истории публицистики Смутного времени. Саратов: Изд-во СГУ, 1926. 98 с.

12. Латухинская Степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.

13. *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. 208 с.

14. *Петрей Петр.* История о Великом княжестве Московском. М.: В Университетской типографии, 1867. 590 с.

15. *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. М.: Аграф, 1999. 256 с.

16. *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. 378 с.
17. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.
18. Повесть о победах Московского государства. Л.: Наука, 1982. 164 с.
19. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. 14. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 158 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 31. М.: Наука, 1968. 265 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. 305 с.
22. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 366 с.
23. Русская историческая библиотека, издаваемая императорской Археографической комиссией. Т. 13. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1891. 525 с.
24. *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1985. 206 с.
25. *Станиславский А.Л., Морозов Б.Н.* Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
26. *Титов А.А.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608). М.: б. и., 1907. 309 с.
27. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
28. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. 430 с.

Literatura

1. Akty' istoricheskie, odnosyashiesya k Rossii, izvlechenny'e iz inostranny'x arxivov i bibliotek A.I. Turgenyevy'm. T. 2. SPb.: V tipografii E'duarda Pracza, 1842. 471 s.
2. Akty', sobranny'e v bibliotekax i arxivax Rossijskoj imperii arxeograficheskoj e'kspedicej Imperatorskoj akademii nauk. T. 2. SPb.: V Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1836. 416 s.
3. *Arakcheev V.A.* Srednevekovy'j Pskov: vlast', obshhestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vekax. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya, 2004. 360 s.
4. *Buganov V.I., Koreczkij V.I., Stanislavskij A.L.* «Povest' kako otomsti» — pamyatnik rannej publicistiki Smutnogo vremeni // Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury' Instituta russkoj literatury' Akademii nauk SSSR. T. 28. L.: Nauka, 1974. S. 231–254.
5. *Bussov Konrad.* Moskovskaya xronika. 1584–1613. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 400 s.
6. *Gorsej Dzherom.* Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII v. M.: Izd-vo MGU, 1990. 288 s.
7. *Zimin A.A.* V kanun grozny'x potryasenij: Predposy'lki pervoj Krest'yanskoj vojny' v Rossii. M.: My'sl', 1986. 333 s.
8. Izbornik slavyanskix i russkix sochinenij i statej, vnesenny'x v xronografy' russkoj redakcii. M.: Tipografiya A.I. Mamontova, 1869. 549 s.
9. *Klyuchevskij V.O.* Sochineniya. T. 3. M.: My'sl', 1988. 415 s.
10. *Koreczkij V.I.* Soloveczkij letopisech koncza XVI v. // Letopisi i xroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. S. 223–243.
11. *Kusheva E.* Iz istorii publicistiki Smutnogo vremeni. Saratov: Izd-vo SGU, 1926. 98 s.

12. Latuxinskaya Steppennaya kniga. 1676 god. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2012. 880 s.
13. *Massa Isaak*. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. M.: Soce'kgiz, 1937. 208 s.
14. *Petrej Petr*. Istorija o Velikom knyazhestve Moskovskom. M.: V Universitetskoj tipografii, 1867. 590 s.
15. *Platonov S.F.* Boris Godunov. M.: Agraf, 1999. 256 s.
16. *Platonov S.F.* Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskij istochnik. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888. 378 s.
17. *Platonov S.F.* Oчерки po istorii Smuty' v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. Опу't izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovny'x otnoshenij v Smutnoe vremya. M.: Pamyatniki istoricheskoi my'sli, 1995. 470 s.
18. Povest' o pobedax Moskovskogo gosudarstva. L.: Nauka, 1982. 164 s.
19. Polnoe sobranie russkix letopisej, izdannoe po Vy'sochajshemu poveleniyu Arхеograficheskoi komissii. T. 14. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 158 s.
20. Polnoe sobranie russkix letopisej. T. 31. M.: Nauka, 1968. 265 s.
21. Polnoe sobranie russkix letopisej. T. 34. M.: Nauka, 1978. 305 s.
22. Pskovskie letopisi. Vy'p. 2. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 366 s.
23. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya imperatorskoj Arхеograficheskoi komissiej. T. 13. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1891. 525 s.
24. *Skry'nnikov R.G.* Rossiya nakanune «smutnogo vremeni». M.: My'sl', 1985. 206 s.
25. *Stanislavskij A.L., Morozov B.N.* Povest' o Zemskom sobore 1613 goda // Voprosy' istorii. 1985. № 5. S. 89–96.
26. *Titov A.A.* Zapiski Stanislava Nemoevskogo (1606–1608). M.: b. i., 1907. 309 s.
27. *Tyumencev I.O.* Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. M.: Nauka, 2008. 686 s.
28. *Uspenskij B.A.* Izbranny'e trudy'. T. 1. M.: Gnozis, 1994. 430 s.

I.A. Boldov

A Legend as a Justification for Claims to Power in Time of Troubles

The article deals with the legend as a tool of legitimization of claims to power in Time of Troubles.

Keywords: Time of Troubles; a political legend; imposture; the Godunovs, the Shuiskys, the Mstislavskys, the Romanovs.